

АЛФЕРОВА Е.В.¹ НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Современное цифровое технологическое развитие имеет серьезные экономические, политические и культурные последствия, этот процесс инициирует правовую трансформацию, включающую перевод абстрактных идей о «цифровых правах» в конкретные юридически признанные нормы прав человека, а также формулирование новых цифровых прав на международном и национальном уровнях. Генеральная Ассамблея ООН, Совет ООН по правам человека и другие международные и региональные организации приняли множество актов, которые позволяют адаптировать международную систему прав человека к цифровой эпохе, расширять и распространять общепризнанные права человека на деятельность в Интернете, приспособить существующие права человека к новым и меняющимся условиям. В данной обзорной статье раскрываются исследования ряда ученых, анализирующих структуру международной системы прав человека в условиях внедрения цифровых технологий. Этот меняющийся нормативный ландшафт создает новые возможности для эволюции прав человека, но также вызывает новые опасения по поводу их приемлемости в международной системе прав человека.

Ключевые слова: международная система прав человека; цифровое развитие; цифровые права; экстерриториальность прав человека.

¹ Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

ALFEROVA E.V. New vectors of development of the international human rights system in the digital age

Abstract. Modern digital technological development has serious economic, political and cultural consequences, this process initiates a legal transformation, including the translation of abstract ideas about «digital rights» into specific legally recognized human rights norms, the formulation of new digital rights at the international and national levels. The UN General Assembly, the UN Human Rights Council and other international and regional organizations have adopted many acts that make it possible to adapt the international human rights system to the digital age, expand and disseminate universally recognized human rights to online activities, and adapt existing human rights to new and changing conditions. This review article reveals the research of a number of scientists analyzing the structure of the international human rights system in the context of the introduction of digital technologies. This changing normative landscape creates new opportunities for the evolution of human rights, but also raises new concerns about their acceptability in the international human rights system.

Keywords: international human rights system; digital development; digital rights; extraterritoriality of human rights.

Для цитирования: Алферова Е.В. Новые векторы развития международной системы прав человека в цифровую эпоху // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 203–216. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.0

Введение

В данной обзорной статье представлены новые исследования в области цифровых прав человека во взаимосвязи с международной системой прав человека (далее – МСПЧ). Как показывает их анализ, внимание ученых-правоведов сосредоточено на:

- 1) проблемах адаптации фундаментальных норм МСПЧ к цифровым изменениям и появлению новых прав человека;
- 2) новых поколениях цифровых прав человека;
- 3) юридическом осмыслении подходов к правовому регулированию цифровых прав;

4) изменениях в МСПЧ и установлении юридического стандарта экстерриториального применения прав человека; обязательствам правительств активно регулировать интернет-бизнес и др.

Рассмотрим эти вопросы с точки зрения исследователей, чьи работы представлены в данном обзоре.

Проблемы адаптации содержания международной системы прав человека к онлайн-среде

Современная «цифровая революция», названная Четвертой промышленной революцией, представляет собой научное кибертехнологическое развитие человечества, обусловленное внедрением цифровых коммуникационных достижений в жизнь человека, общества и государства. Как и другие предыдущие, эта «революция» инициирует процесс нормативной трансформации, включающий перевод абстрактных идей о «цифровых правах» в конкретные юридически признанные нормы, в том числе в области прав человека посредством формулирования новых юридически обязательных или мягких правовых инструментов. Совет ООН по правам человека и Генеральная Ассамблея в целях адаптации МСПЧ к цифровой эпохе приняли множество резолюций, которые поддерживают распространение личных прав человека на деятельность в Интернете¹.

Процесс адаптации многочисленных норм МСПЧ, в том числе общепризнанных, к новым ситуациям требует внесения изменений в содержание и в способ применения этих норм в новых цифровых условиях. Например, доводы в поддержку свободы выражения мнений применимы как вне Сети (офлайн), так и в Интернете (онлайн). «Защита международно-признанного права получать и распространять информацию “любыми средствами” должна охватывать распространение контента в социальных сетях и на других цифровых платформах», – утверждает Давид. Кайе, специальный докладчик по вопросам свободы выражения мнения

¹ См., напр.: Human Rights Council Res. 20/8, U.N. Doc. A/HRC/RES/20/8, at 2 ¶ 1 (July 5, 2012); Human Rights Council Res. 26/13, U.N. Doc. A/HRC/RES/26/13, at 2 ¶ 1 (June 26, 2014); Human Rights Council Res. 32/13, U.N. Doc. A/HRC/RES/32/13, at 3 ¶ 1 (July 1, 2016); Human Rights Council Res. 38/7, U.N. Doc/HRC/RES/38/7, at 3 ¶ 1 (July 5, 2018).

СПЧ ООН¹. Тем не менее различные социальные и технологические контексты для осуществления свободы выражения мнений в цифровой среде могут потребовать более жестких мер регулирования, особенно в отношении оскорбительных высказываний. Такой подход востребован в случае больших рисков, например, связанных с высказываниями ненависти в Интернете или неспособностью онлайн-бизнеса эффективно решать проблему дезинформации².

Адаптация содержания прав человека к онлайн-среде требует разработки новых теоретических обоснований цифровых прав³. Например, теории, касающиеся права на неприкосновенность част-

¹ См.: Kaye D. (Special Rapporteur on Freedom of Opinion and Expression): Report, at 22 57, U.N. Doc. A/74/486 (Oct. 9, 2019). – URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/CCPR/GCArticle21/EXPERT_Mr_David_Kaye_SR_on_Freedom_of_opinion_and_expression.pdf (дата обращения: 11.01.2024).

² См.: Dror-Shpoliansky D., Shany Yu. It's the End of the (Offline) World as We Know it: from Human Rights to Digital Human Rights – a Proposed Typology // Journal of Law and Sustainable Development. – 2023. – Vol. 11, N 5. – URL https://csrcl.huji.ac.il/sites/default/files/csrl/files/digital_human_rights_3.6.20.pdf; Shadmy T. Content Traffic Regulation: A democratic Framework to Address Misinformation // Jurimetrics. – 2022. – Vol. 63, N 1. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4203322 (дата обращения: 11.01.2024); Кокколи Я. Вызовы новых технологий в области реализации прав человека: анализ некоторых критических вопросов в цифровую эпоху // Большие данные в социальных и гуманитарных науках: сб обзоров и рефератов / РАН, ИНИОН, Центр науч.-информ. Исслед. по науке, образованию и технологиям; отв. ред. Е.Г. Гребенщикова. – Москва, 2019. – С. 144–150. – Ref. ad op.: Coccoli J. The challenges of new technologies in the implementation of human rights: An analysis of some critical issues in the digital era // Peace human rights governance (PHRG). – Venice, 2017. – Vol. 1, N 2. – P. 223–250.; Алферова Е.В., Иванова А.П. Правовое регулирование в сфере борьбы с дезинформацией в Интернете // Правовая информатика. – 2023. – № 3. – С. 11–17 и др.

³ См.: Умнова-Конюхова И.А., Алферова Е.В., Алешкова И.А. Цифровое развитие и права человека / РАН, ИНИОН, Центр социал. и науч.-информ. исслед., отд. правоведения. – Москва, 2021. – 174 с.; Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации: науч.-практ. пособие / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов [и др.]; отв. ред. Л.К. Терещенко. – Москва: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Инфотропик Медиа, 2023. – 244 с.; Алферова Е.В. Трансформация универсальных и конституционных прав человека в условиях цифровизации // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 11. – С. 31–36, др.

ной жизни в Интернете, свидетельствуют о переходе от защиты отдельных лиц от неоправданного вторжения в их личное пространство к защите личной информации и управлению ею как в частных, так и в общественных местах. Теории о неприкосновенности частной жизни, считает Ю. Шейни из Еврейского университета в Иерусалиме, должны все чаще учитывать способы защиты отдельных лиц от неправомерных манипуляций их желаниями, мыслями и мнениями. В таких случаях выбор между старыми и новыми нормами сопряжен со сложными правовыми дилеммами. И одна из них – требуется ли вводить новые нормы в МСПЧ или ограничиться уже действующими и применять их с учетом изменившихся экономических, коммуникационных и других отношений. Другая – как преодолевать пробелы в международном законодательстве в сфере защиты прав человека¹. Так, в контексте общепризнанных прав человека существует потребность в усилении гарантий защиты прав человека на информацию, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека (1948), и конкретизации принципов допустимости ограничения свободы информации, предусмотренных в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966).

Существуют также определенные аспекты новых цифровых прав, которые требуют пересмотра некоторых ключевых особенностей МСПЧ: преобладание территориальной модели выполнения обязательств в области прав человека; акцент на ответственности правительств за нарушения прав человека в отличие от транснациональных компаний и других негосударственных субъектов; склонность органов МСПЧ применять инструменты МСПЧ в отрыве от других правовых инструментов и др.

К сожалению, адаптация международных правил, применимых к цифровым технологиям, происходит, как отмечают исследователи, медленно; действующее международное право с опозданием реагирует на технологические инновации, нарушаются

¹ См.: Shany Yu. Digital Rights and the Outer Limits of International Human Rights Law // German Law Journal. – 2023. – Vol. 24, N 3. – P. 464–465. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/german-law-journal/article/digital-rights-and-the-outer-limits-of-international-human-rights-law/F05FEC468802982F592FE7239CEB55A2> (дата обращения: 11.01.2024).

границы конфиденциальности и информационной безопасности на международном, региональном и внутригосударственном уровнях¹.

В целях преодоления такой ситуации предлагается сосредоточить внимание на основных направлениях формирования и развития принципов международного права, касающихся прав человека и их защиты в условиях цифровизации государства и общества: 1) определить принципы цифровизации, обеспечивающие сохранение и развитие прав и свобод человека; 2) вести поиск оптимальных моделей правового регулирования при построении информационного общества, в рамках которых искусственный интеллект должен служить реализации универсальных прав человека; 3) не допускать умаления универсальных прав человека и гарантировать их незыблемость, наряду с формированием новых цифровых прав; 4) противодействовать угрозам прав человека, возникающим вследствие использования цифровых технологий (киберпреступность, цифровой терроризм и пр.); 5) повышать цифровую (информационную) культуру².

Новые поколения цифровых прав человека

Органы МСПЧ и заинтересованные стороны склонны реагировать на вызовы правам и интересам онлайн-пользователей, связанным с новыми цифровыми технологиями, с помощью трех основных комплексов цифровых прав, которые исследователи характеризуют как три «поколения» цифровых прав человека³.

Первое поколение предполагает радикальное переосмысление существующих прав человека, чтобы они соответствовали новым условиям цифровой эпохи. Свобода выражения мнений в Интернете, упомянутая выше, является одним из примеров цифрового права первого поколения. Международные организации расширили сферу действия этого права, включив в него выражение мнений в Интернете. Это измененное в условиях цифровизации право на

¹ См.: Умнова-Конюхова И.А., Алферова Е.В., Алешкова И.А. Указ. соч. – С. 51.

² Там же.

³ См.: Dror-Shpoliansky D., Shany Yu. Op.cit.

свободу выражения мнений теперь включает производное право на доступ в Интернет. Однако открытый доступ в Интернет сопряжен с повышенным риском услышать в Интернете оскорбительные речи. В связи с этим государства и международные организации поощряют цифровые платформы, которые разрабатывают и обеспечивают соблюдение эффективных правил управления контентом¹.

Другим примером цифрового права человека первого поколения является право на неприкосновенность частной жизни в Интернете. Здесь также содержание права претерпело множество перемен как в способе его применения, так и содержании. Например, «центр тяжести» юридической практики, направленной на защиту права на неприкосновенность частной жизни, сместился с защиты отдельных лиц от вторжений в их личное пространство на защиту их личных данных. Такой сдвиг предполагает отход от доминирующей концепции неприкосновенности частной жизни как права на то, чтобы вас «оставили в покое», к понятию неприкосновенности частной жизни, включающему право осуществлять контроль над личными данными и их использованием².

Второе поколение предполагает разработку новых цифровых прав человека, соответствующих новым потребностям и интересам онлайн-пользователей³. Эти права не имеют близких аналогов в офлайн-мире. Разница между двумя поколениями заключается в том, что первое предполагает использование существующих автономных прав, тогда как второе влечет за собой введение новых цифровых прав, как то: право на доступ в Интернет; право на информационное самоопределение; право не подчиняться автоматизированным решениям по вопросам, которые защищают право и интересы отдельных лиц быть свободными от произвольного и не-

¹ См.: European Parliament Legislative Resolution of 5 July 2022 on the Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act) and Amending Directive 2000/31/EC, at 56–58, COM (2020) 0825 final (July 5, 2022).

² См.: Menges L. A Defense of Privacy as Control // The Journal of Ethics. – 2021. – Vol. 25, N 4. – URL: https://www.researchgate.net/publication/345754295_A_Defense_of_Privacy_as_Control (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Dror-Shpoliansky D., Shany Yu. Op.cit; Shany Yu. Op.cit. – P. 461–472.

подотчетного использования власти *де-факто* с помощью алгоритмов¹.

Права человека первого и второго поколения не требуют официального изменения структуры МСПЧ, утверждает Ю. Шейни. Тем не менее они находятся в значительном противоречии с этой структурой. Автор объясняет это тем, что осуществление цифровых прав в значительной степени зависит от поведения частных компаний, особенно интернет-провайдеров и интернет-платформ².

Третье поколение предполагает признание новых правообладателей и новых обязанностей. В отличие от первого и второго поколений здесь наблюдается отход от традиционной парадигмы МСПЧ. Это влечет за собой признание цифровых прав, принадлежащих пользователям Интернета, которые отделены от прав, которыми обладают физические лица согласно международному и национальному законодательству. Такой шаг в направлении создания новых юридических лиц сравним с теми, которые привели в частном праве к предоставлению юридических прав корпорациям и другим юридическим лицам. Третье поколение прав также предполагает прямое наложение обязательств на интернет-провайдеров, онлайн-платформы и другие технологические компании. Такие новые права и обязательства выходят за рамки традиционной, ориентированной на государство конфигурации МСПЧ, которая вращается только вокруг прав физических лиц и сопутствующих обязательств государств. Кроме того, поскольку они не обязательно связаны с государством, содержание прав третьего поколения может быть сосредоточено на вопросах, которые однозначно относятся к отношениям между онлайн-пользователями – цифровыми личностями – и онлайн-платформами, или

¹ См.: Shany Yu. Op. cit. – P. 465; Markland A. Epistemic Transformation at the Margins: Resistance to Digitalisation and Datafication within Global Human Rights Advocacy // Global society. – 2021. – Vol. 36, N 2. – P. 1–21. – URL: https://www.researchgate.net/publication/349031279_Epistemic_Transformation_at_the_Margins_Resistance_to_Digitalisation_and_Datafication_within_Global_Human_Rights_Advocacy (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Shany Yu. Op. cit. – P. 466–467.

поставщиками услуг, в случае цифровой идентификации или сетевого нейтралитета¹.

Таким образом, в результате развития цифровых прав в МСПЧ можно наблюдать значительное изменение традиционных прав – появляются новые права человека, которые вторгаются в архитектуру существующей фундаментальной системы защиты МСПЧ.

К вопросу об экстерриториальности прав человека при реализации цифровых (информационных) прав

Реализация цифровых прав человека напрямую связана с юрисдикционными полномочиями государств и их экстерриториальными обязательствами, предусмотренными в текстах конкретных договоров. Различные подходы в этом вопросе усматриваются даже в универсальных международных правовых актах – Международном пакте о гражданских и политических правах (далее – МПГПП) (ст. 2) и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП) (ст. 2). Постулаты международного права гласят, что действие международных договоров, связанных с правами человека, принципиально детерминируются юрисдикционной компетенцией государства, которая носит преимущественно территориальный характер, государства обязаны его уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией права человека, признаваемые ст. 2 МПГПП. Однако в отношении МПЭСКП правило юрисдикции не применяется².

Поскольку деятельность государств и их правительств в значительной степени определялась и определяется преимущественно территориальным суверенитетом и территориальной юрисдикцией, традиционный подход к МСПЧ также имеет сильную территориальную направленность. Правовая доктрина прав человека так-

¹ См.: Shany Yu. Op. cit. – P. 466–467.

² См.: Каналан Н. Экстерриториальные обязательства государств вне концепции государственной юрисдикции [реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: РЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2019. – № 1. – С. 200. – Реф. ст.: Kanalan I. Extraterritorial State Obligations beyond the Concept of Jurisdiction // German law journal. – 2018. – Vol. 19, N 1. – P. 43–64.

же исходит из концепции, что права человека созданы как защита от необоснованного вмешательства государства, поэтому они ограничены его территорией. Однако сфера государственной деятельности постоянно расширяется, вместе с ней должны расширяться обязательства в области прав человека; несправедливость должна быть устранена независимо от того, где она возникает. Новая концепция экстерриториальных обязательств государства в отношении человека основывается на том, что последние распространяются на всех людей, независимо от внешних условий, от понятия государственной юрисдикции¹.

Этот подход применил Совет по правам человека ООН (СПЧ) в своем замечании общего порядка N 36 от 2018 г. при разработке юрисдикционного стандарта, охватывающего поведение с экстерриториальными последствиями, которое оказывает «прямое и разумно предсказуемое воздействие» на осуществление права на жизнь². Разработка этого функционального юрисдикционного стандарта, как предполагают исследователи, связана с появлением цифровых прав человека и обусловлена соблюдением права на неприкосновенность частной жизни в связи с экстерриториальным применением практики онлайн-контроля. Например, СПЧ рекомендовал США принять необходимые меры для соблюдения принципа – «любое вмешательство в право на неприкосновенность частной жизни должно соответствовать принципам законности, соразмерности и необходимости, независимо от гражданства или местонахождения лица, чьи сообщения находятся под прямым контролем»³.

Изменения происходят и в системе позитивных обязательств, предусмотренных МПЭСКП и МПГПП, а также факультативными протоколами к ним, и Всеобщей декларацией прав человека.

¹ Каналан Н. Экстерриториальные обязательства государств вне концепции государственной юрисдикции [реф.]. – С. 201.

² См.: Human Rights Committee, General Comment No. 36: The Right to Life, ¶¶ 22, 63 U.N. Doc. CCPR/C/GC/36 (2018).

³ Human Rights Committee, Concluding Observations in the Fourth Periodic Report of the U.S.A., 22, U.N. Doc. CCPR/C/USA/CO/4 (2014).

Традиционное различие между гражданскими и политическими правами, с одной стороны, и экономическими, социальными и культурными правами – с другой, проявилось в тексте МПГПП, сосредоточенном на негативных обязательствах, и МПЭСКП, в котором преобладают позитивные права. Эта парадигма была значительно подорвана в последние десятилетия. Международные пакты призывают правительства предпринимать активные шаги для защиты отдельных лиц от мер, предпринимаемых частными субъектами, которые мешают им пользоваться своими правами. К ним относятся меры по предупреждению преступности, экологическое регулирование и меры социального обеспечения. Учитывая значительную роль, которую технологические компании играют в содействии осуществлению цифровых прав человека, включая свободу слова в Интернете, неприкосновенность частной жизни в Интернете и право быть забытым, неудивительно, что должностные лица по правам человека, такие как специальные докладчики ООН по свободе выражения мнений и неприкосновенности частной жизни, например Айрин Хан и Дэвид Кайе, все больше внимания обращали на регуливающую роль правительств по отношению к технологическим компаниям¹.

Движение в направлении наложения позитивных обязательств на государства в отношении предполагаемых нарушений, совершаемых при посредничестве частных субъектов, имеет два компонента, которым придается особое значение в сфере цифровых прав человека. Первое предполагает усиление корпоративной ответственности с помощью платформы «Бизнес и права человека». Второе – экстерриториальный охват обязательств стран – экспортеров технологий в области прав человека.

После публикации Принципов Рагги² (Руководящих принципов по предпринимательству и правам человека ООН =The

¹ Khan I. (Special Rapporteur on the Freedom of Opinion and Expression), *Rep.*, at 18, 90–91, U.N. Doc. A/HRC/47/25 (Apr. 13, 2021); Kaye D. (Special Rapporteur on the Freedom of Opinion and Expression), *Rep.*, at 22, 57, U.N. Doc. A/74/486 (Oct. 9, 2019).

² Джон Рагги (John Ruggie), профессор-исследователь в области прав человека и международных отношений в Гарвардской школе права, Специальный представитель по правам человека и транснациональным корпорациям и другим предприятиям (*Rep.*, U.N. Doc. A/HRC/8/5 (Apr. 7, 2008)).

United Nations Guiding Principles on Business and Human Rights (UNGPs))¹, как отмечает Ю. Шейни, ведутся переговоры о заключении международного юридически обязательного документа по предпринимательству и правам человека. В проекте документа основное внимание уделяется обязанности государств регулировать деятельность предприятий, требуя от них проявлять «должную осмотрительность в области прав человека», устанавливать юридическую ответственность за нарушения прав человека, следить за тем, чтобы жертвам предоставлялись средства правовой защиты, и принимать участие в международном сотрудничестве по реализации этого документа².

Несомненно, такая система также применима к технологическим компаниям, деятельность которых влияет на осуществление цифровых прав человека, и, в частности, к тем, кто управляет онлайн-платформами, предоставляет интернет-услуги и разрабатывает продукты искусственного интеллекта.

Цифровые права человека и международная система прав человека: вопросы системной интеграции

Границы между МСПЧ и другими отраслями международного права постепенно исчезают. Ранее органы по мониторингу договоров МСПЧ, как правило, концентрировались на толковании и применении только конкретного документа, который им был доверен. Они редко ссылались на другие договоры МСПЧ или на обязательства государств, вытекающие из иных отраслей международного права, таких как международное гуманитарное право (МГП), «международное беженское право» или международное экологическое право. Этот подход «ограниченного видения» изме-

¹ См. Руководящие принципы ООН в области предпринимательской деятельности и прав человека. – 2022. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/United_Nations_Guiding_Principles_on_Business_and_Human_Rights (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Legally Binding Instrument to Regulate, in International Human Rights Law, the Activities of Transnational Corporations and Other Business Enterprises (Third Revised Draft, Aug. 17, 2021) – URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/WGTransCorp/Session6/LBI3rdDRAFT.pdf>.) (дата обращения: 15.11.2024); Shany Yu. Op. cit. – P. 469.

нился, и в последние десятилетия возрос интерес – в научных кругах и практике международного права – к применению принципа системной интеграции (ст. 31(3) (с) Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.) и к реализации формулы Венской декларации 1993 г., касающейся неделимости, взаимозависимости и взаимосвязанности всех прав человека (Vienna Declaration and Programme of Action, U.N. Doc. A/CONF. 157/23 (June 25, 1993)). Органы по мониторингу договоров МСПЧ теперь чаще ссылаются в своей работе на обязательства государств, вытекающие из других международных документов. В результате этого развития расширился охват их решений и их потенциальное нормативное влияние¹.

Аналогичное явление можно выявить в связи с применением цифровых прав. Распространенность злоупотреблений в Интернете, включая криминальные и военные кибератаки, кибертерроризм, привела к появлению деклараций о цифровых правах человека, в которых упоминаются такие проблемы, как кибербезопасность и необходимость безопасной онлайн-среды².

Это говорит о возросшей возможности установления связей между актами МСПЧ и другими правовыми документами, относящимися к киберпространству, такими как Будапештская конвенция о киберпреступности 2001 г., и Общим регламентом ЕС по защите данных 2016 г. (GDPR), а также между МСПЧ и международными нормативными процессами, касающимися кибербезопасности, такими как Вассенаарский процесс регулирования экспорта технологий двойного назначения 1996 г.

Таким образом, как и в других областях, в МСПЧ – чем больше цифровые технологии внедряются в различные его правовые, политические и экономические контексты, тем важнее осуществлять их регулирование, следуя принципу тесной взаимосвязи между актами национального, регионального и международного права.

¹ См.: Shany Yu. Op. cit. – P. 469–470.

² См.: European Declaration of Digital Rights and Principles, *supra* note 8, at Ch. 5.

Заключение

Развитие цифрового права в области прав человека в ответ на быстрые изменения, связанные с внедрением и адаптацией к новым технологиям, меняет природу МСПЧ. Последствиями этого стало радикальное переосмысление существующих норм в области прав человека, появление новых цифровых прав человека и распространение права прав человека на новых правообладателей и носителей обязанностей. Кроме того, события, связанные с цифровыми правами человека, также способствуют более широкому изменению в МСПЧ, которые включают функциональный подход к экстерриториальному применению МСПЧ, расширение позитивных обязательств, касающихся поведения частных компаний в области цифровых (информационных) коммуникаций и растущую склонность толковать нормы МСПЧ и реализовывать их во взаимосвязи с нормами международного права.